

Будущие угрозы человечеству и России

Доклад

Кризис «длинного XXI века» (1975 г. — ?):
причины, движущие силы, угрозы¹

А.И. Фурсов², кандидат исторических наук

I

Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007 г. в США и сегодня охвативший по сути весь мир, часто сравнивают с кризисом 1929–1933 гг. Последний, в свою очередь, был финальной фазой затяжного кризиса 1873–1933 гг. Кстати, с этим длительным кризисом, эпоху которого голландский историк Я. Ромейн назвал «водоразделом», нередко сравнивают кризисную хронозону, начавшуюся в 1970-е гг., а еще точнее — в 1973 г., и продолжающуюся до сих пор. Кризис «водораздела» 1873–1933 гг. был временем «пересдачи карт социальной игры» (Ф. Бродель), «пересдачи Карт Истории», и те, кто ухватил главные козыри, оказались «на коне» вплоть до новой пересдачи, начавшейся в 1970-е гг. Более того, у них неплохие шансы в новую эпоху добавить к старым козырям

¹ Фурсов А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью? // De futuro, или История будущего. М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. С. 255–304.

² Директор Центра русских исследований Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета; автор 200 научных публикаций, включая 9 монографий.

новые. Так сказать, «деньги к деньгам». Впрочем, может оказаться и «пепел к пеплу» — это как Бог бросит кости.

Значение кризиса 1873–1933 гг. неоспоримо. Именно тогда сформировались основные субъекты (игроки, агенты) XX в. — финансовый капитал, его брат-враг революционное социалистическое движение, спецслужбы, организованная преступность; именно тогда сформировались основные противоречия, которые пришлось разрубать XX веку: британско-немецкие, американо-британские, немецко-русские; именно тогда была определена философская и научная повестка дня XX в., рухнули последние империи Старого Порядка, который буржуазия ломала с конца XVIII в. оформились государственно-монополистический капитализм (ГМК), коммунизм — системный антикапитализм, фашизм, национал-социализм и национально-освободительное движение. И, тем не менее, более правильным представляется сравнивать «водораздельный» кризис конца XX в. — начала XXI в. не с «ромейновским», а с кризисом 1490–1560-х гг. — намного более масштабным, чем таковой 1870–1930-х гг., а главное — системным.

«Ромейновский» кризис был структурным, то был переход от одной структуры капсистемы к другой, тогда как в конце XV в. — начале XVI в. рождалась сама капсистема, возникали ее базовые институты: рынок, государство, политика и др. Т. е. возникало то, что слабеет, тает и отмирает в условиях кризиса конца XX в. — начала XXI в., одним из эпизодов которого является финансово-экономический кризис, стартовавший в 2007 г. Выходит, «водораздельный» кризис конца XX в. — начала XXI в. — системный и знаменует кризис и конец капитализма как системы? Скажу сразу: да, это конец капсистемы, причем процесс этот происходит не только стихийно. Он также является результатом сознательных действий верхушки мирового капиталистического класса, нескольких сот (максимум тысячи — полутора тысяч) семей, «властелинов колец» капиталистического Мордора, которые

демонтируют капитализм в своих собственных интересах — интересах сохранения власти, привилегий и богатств.

Но прежде чем разбирать этот вопрос, взглянем на другие системные кризисы, что необходимо для лучшего понимания того кризиса, в котором мы живем и который, подобно водовороту, способен унести нас в Мальстрем Истории.

II

Хронологически ближайший к нам системный кризис — кризис феодализма и возникновения капитализма, кризис «длинного XVI века» (1453–1648 гг.), решающая фаза которого пришлась на 1490–1560-е гг. Главная загадка этого кризиса — генезис капитализма.

Среди различных концепций генезиса капитализма есть две базовые — Карла Маркса и Макса Вебера. Веберовская концепция возникновения капитализма из духа протестантизма несостоятельна прежде всего эмпирически: она базируется на материале одной из германских земель, хронологически отражающем очень короткий период времени.

В марксовом объяснении проблема заключается в следующем. Согласно общей теории Маркса, переход от одной системы к другой — социальная революция — происходит тогда, когда производительные силы старой системы перерастают ее производственные отношения; последние ломаются и возникает новая система таких отношений, которые адекватны производительным силам-переросткам. Если бы Маркс был прав, то каждая новая социальная система («формация») стартовала бы с уровня производительных сил — более высокого, чем тот, что был характерен для прежней. В исторической реальности все наоборот. Феодализм достиг уровня производительных сил поздней Античности только в XI–XII вв., т. е. ранний феодализм по уровню развития производительных сил уступал поздней Античности; капитализм достиг уровня развития производительных сил позднего фе-

одализма только в начале XVIII в., т. е. 300–400 лет он догонял прошлое. По-видимому, истоки кризиса, как и корни генезиса капитализма, надо искать (кстати, вполне в марксовом духе) в другом, а именно — в классовых интересах основных, системообразующих субъектов/агентов системы. Исследования последних десятилетий показали, что именно классовый интерес феодалов (сеньоров) в сохранении власти и привилегий, борьба за это стали основой генезиса капитализма. Прав Гераклит: «борьба — отец всего». Как было дело?

В середине XIV в. в Европу пришла эпидемия чумы — Черная смерть, выкосившая 20 млн из 60 млн населения, т. е. треть. Крестьянских рук стало не хватать, сделочная социально-экономическая позиция крестьянина (а также арендатора и батрака) по отношению к сеньору улучшилась. Сеньоры попытались изменить ситуацию: ответом в 1378–1382 гг. стали сразу три восстания («чомпи» во Флоренции, «белых колпаков» во Франции, под руководством Уота Тайлера в Англии), а по сути — народная антифеодалная революция, надломившая западноевропейскому (собственно, никакого другого в истории и не было) феодализму хребет.

С этого момента, как считают исследователи, наиболее вероятным вектором стало развитие западноевропейского социума в направлении «кулацкого рая» и «бюргерского рая», т. е. такого социального устройства, в котором сеньоры превращались просто в богатых землевладельцев или богатых бюргеров, утрачивая значительную часть привилегий и статуса. Сеньоры оказались перед выбором: потерять привилегии по отношению к массе населения или же поступиться ими по отношению к королевской власти. Да, они не любили королей, воевали с ними, но низы приперли их к стенке, и сеньоры пошли на союз с короной.

Эта схема существенно отличается от либерально-марксистской, согласно которой союз и борьба короны и бюргеров (буржуазии) против сеньоров стали тем фундаментом, на котором «вырос» капитализм. Разумеется, и тот

расклад социальных сил, о котором говорили либералы и марксисты, имел место. Но не он был главным, главным был путь превращения феодалов в капиталистов, подключения их к возникавшему в XVI в. мировому рынку. На обширном материале это хорошо показал Р. Лашмэн в работе «Капиталисты против своей воли»³.

Первым же результатом союза короны и сеньоров стало появление так называемых «новых монархий» (Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии) — структур значительно более институционализированных, чем феодальные и намного более репрессивных, чем эти последние; король стал «непосредственным» сувереном по отношению ко всем подданным, а не только по отношению к своим вассалам; обязанности новой, по сути постфеодальной знати по отношению к короне стали более тяжелыми, чем таковые у вассалов эпохи феодализма⁴. Для «новых монархий» не было термина, и он был изобретен. Это сделал Макиавелли, «запустивший» термин *lo stato* — государство. Государство стало мощнейшим оружием экс-феодалов против низов. Другим оружием стала армия нового типа.

В 1492 г. Колумб открыл Америку, и в XVI в. в Западную Европу хлынуло серебро и золото. Эти средства вкладывались прежде всего в военное дело. Результат — военная революция XVI в., возникновение новой формы военной организации, с которой низам было трудно справиться. Кроме того, открытие Америки, возникновение того, что К. Маркс назвал «мировым рынком», а И. Валлерстайн — «европейской мир-системой» и что по сути представляло собой систему нового международного — североатлантического — разделения труда обеспечило верхам качественно новые возможности. Включившиеся в эту систему экс-феодалы и купцы резко улучшили свою сделочную социально-экономическую пози-

---

³ *Laschman R. Capitalists in spite of themselves. Elite conflict and economic transitions in early modern Europe. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.*

⁴ См. *Le Roi Ladurie E. L'état royale. 1460–1610. P.: Hachette, 1987. P. 94.*

цию по отношению к низам, поскольку теперь оперировали на более высоком уровне экономического пространства — макрорегиональном, чем низы, оставшиеся на локальном уровне, зависимом от макрорегионального.

В результате всех этих изменений к 1648 г. в Западной Европе у власти на разных уровнях находилось 90% семей, правивших «полуостровом» в 1453 г. Таким образом, феодалы в своих классовых интересах демонтировали феодализм, чтобы сохранить власть, привилегии и богатство, и в процессе этой борьбы создали новую систему. Капитализм, таким образом, есть побочный продукт борьбы феодалов за трансляцию себя в будущее в новом системном «обличье». Удивительно? Ничуть. Ведь писал же В.В. Крылов о том, что классовая борьба есть развитие производительных сил (прежде всего социальных) за пределами сферы производства.

III

Следующий кризис, о котором необходимо сказать, — кризис поздней Античности, антично-рабовладельческой системы (IV–VI вв. н. э.). От позднефеодального этот кризис отличается многим. Отмечу главное. Во-первых, античное рабовладение было системой экстенсивной (экстенсивно-ориентированной), ей нужны были экспансия и наличие периферии. Интенсивно-ориентированный феодализм в этом не нуждался. Во-вторых, в ходе кризиса поздней Античности верхушка Западной Римской империи была уничтожена, рассеяна или поглощена верхушкой варварских племен. Между позднеантичными и раннефеодальными верхами отсутствует преемственность, а между концом Античности и началом феодализма — Темные века (VI–VIII вв. н. э.).

Позднеантичный кризис, в отличие от позднефеодального, — пример неудачных действий верхушки и краха системы вместе с этой верхушкой. Показательно также и то, что кризис феодализма, обернувшийся демонтажом, не уничтожил

западную цивилизацию — капитализм оказался (хотя и с нюансами) следующей стадией ее развития, тогда как кризис антично-рабовладельческого общества стал крушением античной цивилизации, т. е. еще и цивилизационным, в отличие от позднефеодального, кризисом (кризис «длинного XVI века» был внутрицивилизационным).

Третий кризис, о котором пойдет речь (и третий тип кризиса), — верхнепалеолитический (25 тыс. — 10 тыс. лет до н. э.). Это, пожалуй, самый страшный — ресурсно-демографический (социобиосферный) — кризис. Он длился 15 тыс. лет, подвел черту под несколькими сотнями тысяч лет палеолита и охватил почти всю планету, точнее, ее населенную часть. Его результатом стали сокращение населения планеты на 80%, упадок и деградация общества и культуры. Выходом из кризиса верхнего палеолита стала так называемая «неолитическая революция» — возникновение земледелия, скотоводства, городов, классов и т. п., одним словом — Цивилизации.

Итак, перед нами три различных кризиса: системный формационный; системный формационно-цивилизационный (в узком, конкретном смысле термина «цивилизация») и системный социобиосферный, сменивший один тип «Игры Общества с Природой» (С. Лем) — Палеолит на другой — Цивилизацию.

Ну а теперь, познакомившись с тремя системными кризисами, посмотрим, что происходит в современном мире, точнее, что происходило с 1970-х гг. По сути на глазах исчезает, тает тот мир, который возник в 1870–1930 гг. и который расцвел в «славное тридцатилетие» (Ж. Фурастье) 1945–1975 гг.

IV

Слабеет и приходит в упадок нация-государство. Ухудшается положение средних и рабочих слоев даже ядра капсистемы, не говоря уже о ее низах и о ее периферии. Скукоживается

гражданское общество — и по возможности влиять на власть на национальном (и, тем более, на глобальном) уровне, и по сути: многие западные социумы из обществ граждан превращаются в общества общин и меньшинств, т. е. становятся постзападными. Политика все больше превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса. Рынок сменяется монополией. В упадок приходит рациональное знание, будь то прогрессистские идеологии марксизма и либерализма как элементы геокультуры Просвещения, или наука — появляются книги с символическими названиями «Конец прогресса», «Поминки по Просвещению». Стремительно деградируют наука об обществе (детеоретизация, мелкотемье) и образование. Болонская система подрывает университет как феномен эпохи Модерна. Налицо упадок христианской морали и нравственности — по сути, мы уже живем в постхристианском обществе. В мире растет число мусорных/трущобных людей — «новых отверженных», в среде которых зреют гроздь гнева.

Но обо всем по порядку. Начнем с государства (state). Государство как принципиально новый институт оформилось в середине XV в. — середине XVII в. (условно — между Макиавелли и Гоббсом). Выполняя в течение этого периода времени функцию антифеодальной машины и обладая значительной степенью автономии, постепенно государство все больше превращалось в функцию капитала. Индустриализация, подъем финансового капитала и революции 1789–1848 гг. окончательно закрепили эту функцию.

Именно в «эпоху революций» (1789–1848 гг.) государство обрело форму нации-государства.

Нация-государство должно было, помимо прочего, устранить ситуацию «двух наций», успешно (для верхов) интегрировать низы в новую социальную систему, а данную страну — в мировую систему, мировое разделение труда. Обе интеграции, о которых идет речь, должны были, сохранив социальный мир, проводиться в интересах капитала, буржуазии. Это не значит — в сиюминутных, краткосрочных инте-

ресах. Нередко государство жертвовало краткосрочными и частичными интересами в пользу средне — и долгосрочных и целостных. Но ведь в том-то и заключается функция буржуазного государства как нации-государства — быть комитетом **общих** дел буржуазии, как писали авторы «Манифеста Коммунистической партии».

Высшей формой нации-государства было *welfare state* («государство всеобщего благоденствия», более точный перевод — «государство всеобщего социального обеспечения»). Первые признаки *welfare state* просматриваются во Франции Наполеона III и Германии Бисмарка, однако подлинный расцвет государства-велфэра наступил с окончанием Второй мировой войны.

В условиях бурного экономического роста буржуазное общество могло позволить себе способствовать росту благосостояния части среднего и рабочего классов, тем более что увеличение их доходов стимулировало рост спроса, который подстегивал производство. Но это всего лишь одна сторона дела — экономическая. Была и более важная — социально-экономическая или даже системно-историческая, геоисторическая причина.

Военная угроза со стороны национал-социализма и — в несравнимо большей степени — системно-историческая угроза со стороны интернационал-социализма, т. е. коммунизма, заставили западный капитализм трансформироваться в прогрессивном направлении. Буржуазное общество вынуждено было отклоняться от капиталистической логики намного дальше, чем этого могли потребовать экономические резоны, связанные с динамикой спроса и предложения.

Глобальная холодная война заставила капитализм ядра меняться. Экономическая, социальная и политическая демократизации буржуазного общества в 1945–1975 гг., вопреки имманентным законам капитализма, были обусловлены классовой борьбой, причем не столько внутрисистемной, сколько межсистемной. Сам факт существования мировой социалистической системы заставлял буржуинов идти на

уступки своим среднему и рабочему классам, раскошеливаться на вельфэр, прятать клыки, подобно волку из «Красной шапочки», максимально камуфлировать господство.

При этом западная верхушка смогла убедить многих в том, что демократический вельфэровский капитализм 1950–1970-х гг. — это и есть буржуазная норма, а не вынужденное отступление от нее, так сказать «квазисоциалистический НЭП» капитализма. И это был важный психоисторический успех западной верхушки, продолжавшей спекулировать на тематике демократизации и *welfare state* даже тогда, когда с середины 1970-х гг. она приступила к его постепенному демонтажу, целенаправленному ослаблению демократических институтов и деполитизации общества. Это совпало с начинающимся кризисом нации-государства (и *welfare state*), который форсировали демонтажные меры.

Во-первых, на рубеже 1960–1970-х гг. *welfare state* достигло предела своей эффективности в существующих экономических и социально-политических условиях. Его экономические институты начали пробуксовывать, в равной степени как и демократическая партийная политика, которая постепенно превращалась в замешенную на брокерстве и лоббизме административную систему. Профсоюзы все более интегрировались в систему и давили на нее в значительной степени в качестве особой группы интересов. Все это совпало с экономическим и социально-политическим кризисом.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970-х гг. спала повышательная волна кондратьевского цикла и началась понижательная. В начале 1970 г. США потряс жестокий финансовый кризис — результат войны во Вьетнаме. Наступил перелом в истории мировых финансов — возникновение впервые с 1894 г. торгового дефицита в США, их отказ от Бреттон-Вудских соглашений, девальвация доллара, нефтяной кризис 1973–1979 гг., инфляция 1975–1976 гг., спад производства. В этих условиях начинается постепенный демонтаж *welfare state* как конкретной формы нации-государства. Но и у самого нации-государства

как типа в 1970–1980 гг. начинают возникать проблемы. Уже в 1980-е в мире заговорили об упадке, ослаблении, «растайвании», «проржавении» и т. п. нации-государства. Источником всех этих вполне реальных проблем стала глобализация — прямое следствие НТР и косвенное — холодной войны, которая эту самую НТР обусловила и вызвала.

Глобализация — это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных факторов над вещественными в самом материальном производстве капитал превращается в электронный сигнал и оказывается свободным от всех ограничений локального и, самое главное, государственного уровня — пространственных, материальных, социальных, институциональных. *«Все, что движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала, — пишет социолог Зигмунт Бауман, — практически свободно от ограничений, связанных с территорией, откуда он послан, в которую он послан или через которую он проходит».* Глобализация — это победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство).

С формированием глобальных денежных рынков возможности государства контролировать финансово-экономические потоки резко ослабли. В таких условиях государство не может (и хочет ли?) обеспечить благосостояние граждан. Многие государства, включая США, испытывают все больше трудностей в обеспечении стабильности своих бюджетов. Хронический дефицит бюджета и рост государственного долга существенно уменьшают возможности государства работать даже не на увеличение, а на поддержание благосостояния общества.

В нации-государстве, которое возникло как средство недопущения социального раскола на «две нации», тем более в *welfare state*, разрыв между средними и богатыми слоями сокращался. И это было одним из достижений. В 1980-е гг. эту тенденцию стали ломать, что связано во многом со средним

классом, точнее, с теми проблемами, которые возникли с ним у верхушки капсистемы в 1970-е гг.

V

Вместе с нацией-государством слабеет средний слой⁵. 1945–1975 гг. — «славное тридцатилетие» — были лучшим временем в его истории.

В послевоенный период (повышательная волна кондратьевского цикла, 1945–1968/73 гг.) резко (на порядки!) увеличился «общественный пирог». Эта «волна» не только превзошла все предыдущие периоды экспансии мировой экономики (1780–1815, 1848–1873, 1896–1920 гг.), но весь предыдущий полуторавековой период ее развития: в 1945–1975 гг. было произведено (в стоимостном измерении) такое же количество товаров и услуг, что и за предыдущие 150 лет. В результате, верхушка Запада получила такой «фонд», из которого теоретически можно было отстегнуть кое-что среднему классу и верхушке рабочего класса (в абсолютном измерении это «кое-что» было весьма и весьма значительным). Однако «теоретически» — еще не значит «практически».

Практическим императивом в экономике было стремление увеличить массовый спрос, а для этого требовалось хотя бы немного увеличить благосостояние этих самых масс, точнее, середины общества. Однако благосостояние увеличилось в немалой степени. Почему? Ведь капитализм — не филантропическая организация и просто так ничье благосостояние, тем более массовых слоев, увеличивать не станет. К этому «железную пяту», капверхушку побуждало наличие

---

⁵ Я согласен с теми, кто предпочитает этот термин термину «средний класс», поскольку классовость связана с тем или иным видом собственности (или отсутствием ее), а слой — понятие нейтральное. В средний слой входят представители различных по собственническому источнику дохода классы: мелкая буржуазия, верхушка рабочего класса, часть рентополучателей, профессура, лица «свободных профессий».

в мировой системе наряду с капитализмом системного антикапитализма — социалистического лагеря, СССР.

Само существование СССР, его бурное экономическое развитие, даже у западных политиков второй половины 1950–1960 гг. создававшее впечатление, что СССР обгонит США, эгалитарный социальный строй, наконец, способность материально поддерживать антикапиталистическое движение во всем мире, включая коммунистические, социалистические и рабочие партии на самом Западе, вынуждало капиталистов замирать свои рабочий и средний классы, откупаться от них. От рабочего класса — чтобы не бунтовал, от среднего класса — чтобы заинтересованно выполнял функцию социально-го буфера между буржуазией и пролетариатом.

Средством подкормки-замирения стало *welfare state*, которое посредством системы налогообложения перераспределяло часть средств (в абсолютном измерении — весьма значительную) от буржуазии среднему и, в меньшей степени, рабочему классам. В результате, на Западе уже к середине 1960-х гг. оформился многочисленный и довольно зажиточный средний слой, какого не было ни в одной другой социальной системе — как в рамках западной цивилизации, так и за ее пределами. Само существование среднего класса («социалистической буржуазии») как системы в качестве признака-символа зрелого (перезревающего?) Модерна было обусловлено такими факторами, которые характерны только для капитализма и только этой эпохи.

Буржуазия включила перераспределительный механизм не по доброте душевной. *Welfare state* — это явное отклонение от логики развития и природы капитализма, которое лишь в малой степени может быть объяснено заботой о создании спроса и потребителей массовой продукции. Главное в другом — в наличии системного антикапитализма (исторического коммунизма) в виде СССР. В ходе холодной войны, глобального противостояния СССР, в схватке двух мировых проектов буржуины в страхе перед «тайным ходом»,

«по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются», вынуждены были откупаться от средних и рабочих классов, замирать их (налоги на капитал, высокие зарплаты, пенсии, пособия и т. п.), рядиться в квазисоциалистические одежды.

К середине 1960-х гг. средний слой Запада не только обрел экономическую мощь, но и стал серьезной политической силой, материализовавшейся в левых и левоцентричных партиях, что тоже не могло не беспокоить истеблишмент.

И наступили 1970-е гг. — второй «великий перелом» XX в. (первый был в 1917–1929 гг.).

Во-первых, произошли ряд серьезных негативных изменений в экономике, и послевоенное процветание по восходящей стало заканчивается.

Во-вторых, на рубеже 1960–1970 гг. *welfare state* с его огромным бюрократическим аппаратом подошло к пределу своей административно-политической эффективности.

В-третьих, — и это самое главное — разбухший средний слой стал слишком тяжелым бременем для капиталистической системы (даже в относительно благополучном ядре), и мировой экономический спад вкупе с неэффективностью и затратностью *welfare state* еще более обострял эту ситуацию. Численность среднего класса, помноженная на уровень его благосостояния, вышли за рамки того, что могла обеспечить капсистема без серьезных изменений своей природы и без дальнейшего существенного перераспределения в ущерб верхушке, без дальнейшей социализации капитализма. Не меньшую, а, быть может, и большую угрозу для нее представляли и политические притязания среднего класса. В этой ситуации хозяева капсистемы прекратили отступление, перегруппировались и начали социальное контрнаступление.

VI

Прежде всего были созданы новые структуры мирового управления, так сказать генеральные штабы: интеллектуально-

идеологический — Римский клуб (1968 г.) и политико-экономический — Трехсторонняя комиссия (1973 г.). Создание последней объективно отражало ослабление США и острую борьбу в ней между ГМК и выражавшими его политическими интересами силами и корпоратократией и ее политическими силами. В результате «ползучего» госпереворота 1963–1974 гг. (от убийства Кеннеди до свержения Никсона) корпоратократия (американская и англо-голландская) победила, и в 1976 г. президентом США стал марионетка Трехсторонней комиссии — Картер. Это был важный элемент в развертывании социального контрнаступления корпоратократии как необуржуазии — неолиберальная глобализация станет главным средством этого контрнаступления. Ну, а идейное обоснование было обеспечено «тремя мудрецами» «трилатералов» — С. Хантингтоном, М. Крозье и Дз. Ватануки, которые в 1975 г. по заказу Трехсторонней комиссии подготовили доклад «Кризис демократии».

В докладе четко фиксировались угрозы правящему слою — прежде всего то, что против него начинают работать демократия и *welfare state* (государство всеобщего социального обеспечения), оформившиеся в послевоенный период. Под кризисом демократии имелся в виду не кризис демократии вообще, а такое развитие демократии, которое невыгодно верхушке.

В докладе утверждалось, что развитие демократии на Западе ведет к уменьшению власти правительств; что различные группы, пользуясь демократией, начали борьбу за такие права и привилегии, на которые ранее никогда не претендовали, и эти «эксцессы демократии» являются вызовом существующей системе правления. Угроза демократическому правлению в США носит не внешний характер, писали авторы, ее источник — «внутренняя динамика самой демократии в высокообразованном, мобильном обществе, характеризующимся высокой степенью (политического — А.Ф.) участия». Эксперты рекомендовали способствовать росту

невовлеченности (*noninvolvement*) масс в политику, развитие определенной апатии, умерить демократию, исходя из того, что она — лишь способ организации власти, причем вовсе не универсальный. В частности, в докладе говорилось: «Во многих случаях необходимость в экспертном знании, превосходстве в положении и ранге (*seniority*), опыте и особых способностях могут перевешивать притязания демократии как способа конституирования власти».

Однако ослабление демократии в интересах западной верхушки было нелегкой социальной и политической задачей. Кто был стеновым хребтом западной демократии, которую надо было умерить? — Средний слой и активная верхняя часть рабочего класса. По ним-то и был нанесен первый удар. В 1979 г. в Великобритании и в 1981 г. в США приходят к власти рыночные фундаменталисты — Тэтчер и Рейган. На место отрядов «старой» буржуазии и бюрократии, связанных государственно-монополистическим капитализмом (ГМК), приходит молодая хищная фракция корпоратократии, напрямую связанная с ТНК, боровшаяся за место под солнцем с 1940–1950 гг. и, наконец, добившаяся успеха (в немалой степени этому способствовало поражение США во Вьетнаме).

Главными задачами Тэтчер и Рейгана, этих первых политиков такого ранга от корпоратократии, были демонтаж части *welfare state* и наступление на средний и рабочий классы. Однако пока существовал СССР «властелины колец» капсистемы не могли полностью развернуть такой курс. Отсюда — два следствия.

Первое — курс на резкое ослабление СССР (в 1989–1990 гг. он сменился курсом на его расчленение и уничтожение); с этой целью СССР заманили в Афганистан, а далее последовал новый резкий виток холодной войны.

Второе — стремление добрать то, что нельзя было сразу отнять у средних классов ядра, у среднего класса периферии, уничтожив последний как класс. В 1980-е гг. с помощью проведенных МВФ структурных экономических реформ в

Латинской Америке был почти полностью уничтожен латиноамериканский средний слой, связанный с госсектором; досталось и среднему классу наиболее развитых стран Африки (например, Нигерии). Средства от экспроприации периферийных средних классов перекачивались на Запад, и это несколько тормозило наступление верхушки на западный средний слой. Когда в 1991 г. СССР развалился, место холодной войны как формы управления миром заняла глобализация. Она полностью развязала руки «властелинам колец» капитализма и, в то же время, подвела сам капитализм и общество Модерна к последней черте, поскольку, как это ни парадоксально, коммунизм играл огромную стабилизирующую роль в функционировании капсистемы.

Ослабление демократии и среднего слоя предполагало ослабление базовых институтов капиталистического общества, по сути — их демонтаж. Речь идет о нации-государстве, политике, гражданском обществе, рациональном знании. Иными словами, речь идет о капитализме. Здесь необходимо отметить, что вопреки представлению многих капитализм — это не просто торжество капитала. Капитал существовал до капитализма и будет существовать после него.

Капитализм есть сложная институциональная система, ограничивающая капитал в его долгосрочных интересах и обеспечивающая (прежде всего с помощью государства) его экспансию в пространстве. Последнее имеет жизненно важное значение для капитализма в силу его экстенсивной ориентированности. Иным капитализм быть не может, он решает многие свои противоречия, вынося их за собственные рамки и прирастая пространством.

Как только мировая норма прибыли снижается, капитализм выхватывает, вырывает кусок из некапиталистической зоны и превращает его в капиталистическую периферию — источник дешевой рабочей силы и рынок сбыта. И так до следующего серьезного снижения прибыли; отсюда — колониализм, колониальная экспансия, которая происходила не

постоянно, а рывками. Подчеркнем: для нормального функционирования капитализму необходима некапиталистическая зона, которую он превращает в капиталистическую периферию и без которой он тоже не может существовать — так же, как антично-рабовладельческая система без своей периферии. Помимо прочего, эксплуатация периферии помогает поддерживать социальный мир в центре («ядре»), поддерживать определенный уровень жизни большей части его населения. Ну а ограничителями капитала в самом ядре являются, как уже говорилось, нация-государство, политика, гражданское общество и ряд других форм и институтов. И, как мы знаем, именно эти институты и связанные с ними социальные группы разрушаются/демонтируются с середины 1970-х гг. Демонтаж этих институтов означает по сути демонтаж капитализма как системы, который предпринимается наднациональной (мировой) верхушкой в интересах сохранения ею власти (мирового контроля), привилегий, богатства с 1970-х гг., который ускорился в 1990-е и, по видимому, еще более ускорится в 2010-е гг. В чем причины этого процесса?

VII

Первая носит откровенно классовый характер. На рубеже 1960–1970 гг. верхушка буржуазии в ядре капсистемы в условиях роста экономического благосостояния и политического влияния среднего и рабочего классов, левых партий, увеличения «размеров» нации-государства в форме *welfare state* оказалась в положении, сходном с тем, в котором оказались феодалы в XV в. Ход был сделан аналогичный — демонтаж системы. Только если феодалы не понимали, что делают, а действовали, повинувшись социальному инстинкту, то буржуины, на которых работают тысячи «фабрик мысли» («*think tanks*»), затеяли демонтаж сознательно, хотя вполне возможно, что сначала думалось о демонтаже элементов, а

не системы в целом. Однако вскоре системная перспектива стала очевидной.

Выявилось это с глобализацией, особенно после крушения главного бастиона «системного антикапитализма» — СССР. Глобализация (капиталов) — «дочка» НТР и «внучка» холодной войны — стала полной победой капитала, который превращается в электронный сигнал и преодолевает практически все ограничения (пространственные, социальные, политические); реальное не может контролировать виртуальное — разные уровни (а вот наоборот — возможно). Весь мир стал капиталистически-неолиберальным, включая СССР, Восточную Европу, Китай. Капитал (изм) — везде! Победа! Однако, как написал по другому поводу Н. Коржавин, «*Но их бедой была победа — / За ней открылась пустота*». Исчезла некапиталистическая зона, и теперь капитал (изм) уже не может решать свои проблемы, вынося их вовне, — некуда. А войны типа 1914–1918 и 1939–1945 гг. тоже невозможны.

Куда ж бедному капитализму податься? Где искать источники для дальнейшего накопления? Только внутри самого себя. Но все дело в том, что капитализм — это экстенсивно, а не интенсивно ориентированная система; он институционально «заточен» под экстенсив, и его переориентация, «перегрузка Матрицы» требует демонтажа системообразующих элементов, т. е. самой системы, и создания на ее месте иной, которая типологически, эквивалентно-нишево будет похожа на феодализм, точнее, станет возвращением к принципам его организации на новом, более высоком витке «спирали развития» — с поправкой на то, что это будет уже не западный, не христианский и не локальный социум. Исчерпание земного пространства с глобализацией стало еще одной, помимо классовой, причиной демонтажа капитализма.

Итак, демонтаж капитализма его верхушкой — *à la* демонтаж феодализма в 1453–1648 гг. Но все ли продумали владычины его колец и их интеллектуальная обслуга? У меня плохая новость для «демонтажников-высотников»: с капита-

лизмом не получится так, как вышло с феодализмом — у феодализма не было периферии, наличие которой существенно меняет и суть кризиса, и процесс демонтажа, и вектор их развития. Включив в свои процессы, в мировой рынок огромные массы населения, всю планету, капитализм демографически вырастил свою афро-азиатскую и латиноамериканскую периферию так, как население самих этих регионов никогда не выросло бы. И теперь эта капиталистическая периферия, по сути ненужная ядру в той степени, как это было в «старые добрые капиталистические времена», просто так не отвяжется. Она давит на ядро, Юг проникает на Север, создает свои анклавов и подрывает его; то, что А.Дж. Тойнби-младший называл «союзом внутреннего и внешнего пролетариата», способствует периферизации ядра, его захвату периферией с прямой и явной угрозой если не смены, то существенной модификации элит — по крайней мере, значительной их части.

Иными словами, нынешняя ситуация, «выход» из капитализма резко отличается от «входа».

Глобальная система делится на ядро (Север, «неоимперию») и периферию (Юг, зону неоварварства). Как почти две тысячи лет назад это произошло в Римской империи, когда Рим стимулировал демографический рост варваров, селившихся по периметру его границ, Запад в XX в. спровоцировал мировой, демографический взрыв, а точнее, демографический взрыв на периферии. И бóльшую часть этой выросшей огромной социобиомассы сегодня не просто отсекают от «общественного пирога», но вообще выталкивают из социальной жизни. Я имею в виду так называемых «трущобных людей», численность которых достигла миллиарда человек.

Трущобные «города» становятся главными конурбациями во многих странах Юга. Это — зоны бедности и самовоспроизводящегося социального распада. Как заметил социолог Майкл Дэвис, *«брутальная тектоника неолиберальной глобализации после 1978 года аналогична катастрофическому процессу, впервые создавшему “третий мир” в период позд-*

невикторианского капитализма (1870–1900 годы)», только сегодня ситуация намного хуже и безнадежнее: эпоха крестьянских войн и национально-освободительных движений позади, впереди — намного более страшные конфликты социально дезорганизованного населения, трущобного люда с социально дезорганизованным.

Согласно прогнозам, между 2030-ми и 2040-ми гг. численность *Slumland*'а достигнет 2 млрд (при численности населения планеты — 8 млрд). По мнению специалистов, ни экологически, ни социально-экономически, ни психологически такой численности, такой концентрации, такой обездоленности и отверженности мир трущоб выдержать не сможет, и его обитатели выплеснутся во внешний мир, устремившись туда, «где чисто и светло». И это будет похлеще Великого переселения народов V–VII вв. Трущобники начнут штурмовать сначала более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая «государства-буферы», — Европу, Северную Америку и, по-видимому, Россию. Здесь они пойдут уже проторенным в XX в. путем мигрантов с Юга. Более того, выходцы с Юга на Север — а, согласно прогнозу, в 2020–2030 гг. они составят 30–40% населения крупнейших городов Севера, т. е. его «андеркласс» — оказываются объективными союзниками новых волн мигрантов из *Slumland*'а. Перед нами — смычка «внутреннего пролетариата» и «внешнего пролетариата», направленная против социально организованного населения Севера.

Здесь есть еще один очень важный аспект. Основная масса населения Юга (включая мир трущоб) — с одной стороны, и «южного» сегмента Севера — с другой стороны, — это молодые люди. В вышедшей недавно книге «Сыновья и мировое господство: роль терроризма в подъеме и падении наций» Гуннар Гейнсон пишет о том, что демографический провал наступает тогда, когда в популяции достигается соотношение: менее 80 мальчиков на 100 мужчин возраста 40–44 лет. Это ситуация Западной Европы (например, в Германии — 50

на 100, т. е. демографический провал). На Юге ситуация диаметрально противоположная: в секторе Газа (Палестина) это соотношение составляет 464 на 100, в Афганистане — 403 на 100, в Сомали — 364 на 100, в Ираке — 354 на 100. Ясно, что Юг — это демографическое будущее мира: с 1900 г. по 2000 г. население исламского мира выросло со 150 млн до 1 200 млн — 800% роста; Китая — с 400 млн до 1 200 млн — 300% роста; Индии — с 250 млн до 1 000 млн — 400% роста. Повторю: огромную часть этой биомассы составляет молодежь. И на Севере основная масса выходцев с Юга — молодежь. А ведь хорошо известно, что как только численность молодежи в обществе достигает 25–30%, происходит взрыв насилия. Джон Голдстоун наглядно показал это в своем исследовании Реформации и крестьянской войны в Германии XVI в.; но сюда же относятся Французская революция 1789–1799 гг. и практически все революции XX века. Миграция «южан» на Север — это миграция, в первую очередь, молодежи.

Таким образом, в самом ядре капсистемы мы имеем, с одной стороны, сытое, белое, атомизированное христианское (формально, поскольку нынешний Запад — это уже во многом не только постзападное, но и постхристианское общество, которому «толерантность» и «политкорректность» не позволяют защищать свою культуру и свои ценности как от своих «меньшинств», так и от чуждых внешних сил) население, главным образом, пожилого и среднего возраста, с другой — голодное, чувствующее себя обделенным и отверженным, цветное, общинно — или кланово-организованное, чаще всего мусульманское, молодое, с явным вкусом к насилию и криминалу население.

Исход противостояния в целом ясен, даже без вторжения трущобников. О перспективах белых европейцев писатель Сергей Хелемендик говорит: *«Они уже закончили свое существование в истории, их уже нет. Пока они сидят в своих банках и считают хрустящие бумажки, их улицами овладели*

заторможенные от многовекового пещерного инцеста албанцы, счастливые от возможности разбавить, наконец, свою не в меру густую кровь». При этом нужно помнить, что мигранты с Юга часто организованы не только клановым образом, но и криминальным, что еще более обостряет ситуацию, усиливает тенденции неоварваризации и неоархаизации.

Таким образом, уже сейчас видно, что попытка западных элит провести трансгресс по типу «длинного XVI века» не увенчается успехом — кризис позднефеодального типа плавно, но необратимо перетекает в кризис позднеантичного типа. И почти одновременно с «восстанием элит» в ядре капсистемы и ее периферийных анклавов начинается восстание низов, грозящее перерасти либо в глобальную социальную революцию (если найдут союзников в социально более высоких группах), либо в глобальный бунт. Это та серьезная проблема, которую придется решать мировой «закулисе». И уже сейчас ясно, что ни сокращение населения Юга — и вообще бедноты — «эволюционным» (программы планирования семьи) или «революционным» (от насильственной стерилизации до штучек вроде СПИДа) путем, ни попытки решить вопрос с помощью управляемого хаоса, натравив мусульман на Россию, Китай или — менее вероятно — Индию, результата не дадут. Но и это не все. У меня есть еще одна плохая новость для «демонстражников-высотников».

Капитализм — глобальная, планетарная система, основанная на эксплуатации не только человека, но и природы. Включив в свои производственно-экономические процессы биосферу в целом, капитализм привел ее в состояние глобального экологического, а человечество — в состояние ресурсного кризиса. Типологически такого не было со времен верхнепалеолитического кризиса. При этом, конечно, нынешний масштаб несопоставим с верхнепалеолитическим. Таким образом, демонтаж капитализма развивается на фоне глобального биосферно-ресурсного кризиса, а к его позднефеодальному и позднеантичному кризисным качествам

добавляется намного более тяжелое по своему содержанию и последствиям — верхнепалеолитическое. Мы получаем кризис-матрешку, кризис-домино, где один кризис влечет за собой другой, более масштабный и разрушительный.

VIII

Чертами трех кризисов, о которых шла речь, нынешний кризис-демонтаж капитализма не исчерпывается. Его кризис автоматически означает еще несколько кризисов. Во-первых, это кризис западной цивилизации в том виде, в каком она сформировалась за последние тысячу лет. Во-вторых, это кризис христианства в самых разных его аспектах: частном (кризис протестантского отношения к труду на фоне стремительно растущих тенденций к гедонизму, потреблению, более или менее активному ничегонеделанию как верхов, так и низов), общем (кризис христианского типа личности), проектном. О последнем стоит сказать особо, поскольку кризис капитализма конца XX в. — начала XXI в. — это еще и кризис библейского проекта.

В течение двух тысячелетий верхушка (сначала средиземноморская, затем европейская, а в XIX–XX вв. — мировая), использовав и приспособив к своим нуждам протестно-эмансипаторский проект Иисуса Христа и одновременно приглушив его (идейно — с помощью, прежде всего, Ветхого Завета, организационно — с помощью христианской церкви), превратила его в библейский проект. Библейский проект как средство держать в узде «маленького человека» главным образом изнутри (интериоризация контроля) сменил древнеегипетский проект, последним персонификатором которого была Римская империя, с его акцентом на внешний контроль. Несмотря на то, что библейский проект дал немало сбоев (откол католицизма от православия — ортодоксии в политических целях; возникновение протестантизма как начало иудаизации христианства; возникновение

пантеистического и атеистического Просвещения и его «отростков» — либерализма, и особенно марксизма, как не просто светской, а дехристианизированной версии библейского проекта), в течение почти двух тысяч лет в целом, пусть все хуже, но он справлялся с задачами, для решения которых его создали. С последней трети XX в. библейский проект не работает. «Демонтажники» капитализма должны будут создать не только новую систему, но и новый проект. Глобофашизм «неоконов» — этих леваков, прошедших «правую школу» Лео Штрауса и начитавшихся Платона, — вряд ли пройдет.

В-третьих, кризис капитализма — это кризис Цивилизации, т. е. земной цивилизации в том виде, в каком он существует последние 10–12 тыс. лет (13653 года — по индийской хронологии; 13542 года — по древнеегипетской и ассирийской; 10498–10499 гг. по хронологии ольменов и майя). Эпоху земной цивилизации я называю Эпохой (или Временем) Пирамид и Сфинкса: археологические данные последних десятилетий свидетельствуют, что возраст пирамид — и особенно Сфинкса — древнее, чем предполагалось; датируются эти сооружения 8–10 тысячелетиями до н. э. и построены, по-видимому, представителями цивилизации, предшествовавшей египетской.

Мир Пирамид подходит к концу вместе с капитализмом. Научно-техническая революция, благодаря которой информационные (вещественные) факторы начинают господствовать над вещественными («материальными»), — это не вторая промышленная революция, а нечто более серьезное, сопоставимое по масштабу с неолитической.

В-четвертых, речь должна идти о кризисе белой расы, само существование которой экспансия капитализма, вызвавшая демографический взрыв на Юге и массовую миграцию его жителей на Север, поставила под угрозу — число белых в современном мире стремительно снижается.

В-пятых, на повестку дня может быть поставлен кризис *Homo sapiens*. Одно дело, кризис биосферы 25 тыс. лет назад,

и совсем другое — сегодня, на планете, напичканной атомными станциями, бактериологическим и иным оружием, с населением 6,6 млрд человек (к 2030 г. ожидается 8 млрд). Планетарная катастрофа может либо вообще выкосить население, либо оставить на нем такой отпечаток, что дальнейшее «развитие» окажется возможным лишь в одной форме — деградации.

IX

XXI в. — век системного кризиса капитализма — несет угрозу как минимум трех самых настоящих социальных взрывов.

Первый взрыв связан с численностью населения: разрушительные возможности человечества растут вместе с созидательными, заметил Станислав Лем, а иногда обгоняют их. Верхнепалеолитический кризис уничтожил 75–85% населения. Нынешний — объективно — должен снять нынешнее демографическое давление на ресурсы планеты, на биосферу; в будущем это может оказаться до 90% населения (7 млрд из 8 млрд). Но даже если показатель глобальной «чистки», «пересортировки» и «выбраковки» человечества окажется ниже, результаты сокращения численности с помощью тех видов оружия массового поражения, которые имеются, могут наложить на популяцию такой отпечаток, нанести такой удар по генофонду, который обусловит ее психофизическое вырождение, т. е. вырождение человека как вида.

Второй взрыв — всеобщая, глобальная криминализация. Социальные кризисы, тем более системные, всегда сопровождаются ломкой социальных правил — нарастает криминализация. Как минимум, это означает, что старое общество начинает умирать — его механизмы контроля не срабатывают; как максимум — начинает возникать новое общество, причем в криминальной, асоциальной форме. Значительная часть населения планеты сможет — и будет — «вырывать-

ся из социального ада» (Фернан Бродель) трансгресса, сбившись в стаи. Итак, размывание границ нормальной жизни, асоциализация посткризисного социума — вот еще один потенциальный взрыв XXI в.

Третий взрыв связан вот с чем. В периоды острых социальных кризисов социальное приглушается, и резко возрастает роль того, что называют биологической составляющей в поведении человека. На самом деле речь, строго говоря, должна идти не столько о биологизации социальных процессов (хотя внешне дело нередко выглядит именно так), сколько о выходе на первый план дочеловеческих форм социальности («несоциальных животных не бывает» — «правило Эспинаса»), зоосоциальности. Кризисные эпохи — это эпохи повышенной зоосоциальности, когда в человеке, в обществе словно выстреливает дочеловеческое прошлое.

В разные эпохи в человеке по-разному соотносятся социальное и биологическое, зоосоциальное (дочеловеческая социальность) и социальность собственно человеческая. В кризисные, революционные эпохи из закоулков человеиника, как тролль из табакерки, выскакивают хищные, асоциальные особи. *«Социальная революция устраивается не “социальными низами”, а биологическими подонками человечества»*, — писал Иван Солоневич. Разумеется, революция — более сложный процесс, чем выброс зоосоциальности; но в целом Солоневич зафиксировал очень важную черту, которую можно заметить во всех революциях — от французской (это замечательно показал Ипполит Тэн) до русских революций — коммунистической 1917 г. и антикоммунистической 1991 г.

Конечно же, сам выброс «биологии», зоосоциальности в кризисные эпохи происходит по социальным законам; другое дело, что реализуются эти законы по-разному в нормальные и кризисные эпохи и реализуют их особи с разным соотношением антропосоциального и зоосоциального («биологического»). Время кризисов — это время главным образом людей-рептилий, *гомозавров*. Это не метафора, а

фиксация реальности, связанная с исторической структурой человеческого мозга. В середине 1990-х гг. я писал об этом в «Колоколах Истории» (М., 1996. С. 352–353; подробнее см.: Саган К. Драконы Эдема. М., 1986), поэтому здесь повторю вкратце.

Согласно Полу Маклину, морфологически самая старая часть мозга — Р-комплекс (рептильный мозг), доставшийся нам в наследство от рептилий — первых существ, у которых количество информации в мозгу превышает количество таковой в генах. Следующая эволюционная система, наслаивающаяся на рептильный мозг и заключающая его в себя по принципу матрешки, — лимбический мозг, он является достижением млекопитающих. И, наконец, неокортекс — новая кора, являющаяся человеческим, «слишком человеческим» вкладом. Между тремя мозговыми структурами существует некое разделение труда. Неокортекс отвечает за специфически человеческие (волевые, целеполагающие) усилия, включая использование знаков, предвидение событий, сопереживание и ряд других функций. Лимбическая система, в глубине которой находится гипофиз, генерирует яркие эмоции, связанные с радостью открытия нового (творчество), с эстетическим восприятием мира, альтруистическим поведением, восприятием вкуса, с творчеством. Наконец, рептильный мозг играет важную роль в агрессивном, ритуальном и территориальном поведении, в установлении групповой иерархии, в том числе через половое поведение (контроль над самками, управление доступом к ним) и контроль над территорией. Здесь нет обратных связей, чаще всего имеет место бесстрастное осуществление любого поведения, диктуемого либо одним из полушарий, либо генами, инстинктами.

Разумеется, нет таких людей, у которых действовал бы только один из трех мозгов — работают все, но с разной силой, а потому соотношение мозгов, их иерархия-субординация у разных людей различная. Люди с доминированием Р-комплекса — гомозавры.

Одна из главных задач социальной системы — обеспечить «неокортексное» поведение человеческих особей и проконтролировать, чтобы в социальные отношения — особенно в производственные — не прорвалось социальное поведение рептильного типа в его чистом, непосредственно-природном виде (опосредованно оно воплощено во многих социальных институтах и практиках). В нормальные эпохи общество в целом справляется с этой задачей. Однако в периоды кризисов и революций, когда «век вывихнут», а нормы и институты ломаются, происходит прорыв рептильного типа, его массовый выход на историческую сцену — своеобразный привет из палеозоя.

Хищники разного калибра, сволочь в строгом смысле этого слова — вот ударная сила любой революции, любого кризиса. В послекризисные эпохи значительную часть гомозавров отстреливают, им на смену приходят хищники поменьше — воры (яркие примеры — Директория во Франции, послесталинская вороватая номенклатура в СССР); социальная жизнь становится менее опасной и более системной и ограничивает рептильное поведение.

Глобальный кризис, в который вползает капсистема, вызовет глобальный выброс гомозавров с их биологией и зоосоциальностью на всех уровнях — сверху донизу — и резко увеличит их роль, а следовательно, роль биосоциальности в социальных процессах. Многие черты этого процесса уже видны по изменившемуся экстерьеру киногероев (привет из каменного века), рекламе демонстративно асоциального поведения на ТВ, агрессивным формам гомосексуализма и феминизма.

Итак, глобальный кризис вполне может поставить на повестку дня вопрос о роде *Ното*. Поскольку кризис будет протекать в условиях борьбы растущего населения за уменьшающиеся ресурсы (в том числе продовольствие и воду), в его условиях встанет вопрос о сокращении численности населения — вопрос если не биосоциальный, то социобио-

логический. *Ното* уже проходил это во время верхнепалеолитического кризиса и «прошел» (с огромными потерями) за 15–20 тыс. лет. Тогда, однако, кризис носил суммарно-локальный, а не глобальный характер: еще не существовало единое планетарное человечество, Земля не была напичкана атомными станциями, предприятиями с вредным производством, ядерным, биологическим, химическим и иным оружием. Впрочем, как показывает пример хуту и тутси, региональный геноцид вполне можно устроить с помощью обычного оружия, вооружив автоматами Калашникова 12–14-летних детей.

Финал глобального кризиса капитализма (особенно в условиях прогнозируемого геологами на вторую половину XXI в. усиления геологической активности, вероятности изменения наклона земной оси, наступления нового ледникового периода, только теперь уже не малого, и т. п.) вообще может оказаться схваткой *Ното* и биосферы, а внутри самого *Ното* — *Homo sapiens* и *Homo robustus* — по принципу «кто кого». Для того, чтобы пройти кризис, нужна принципиально новая философия отношений с природой, мы должны заново осмыслить, а не просто переосмыслить (*unthink*, а не *rethink*) не только геокультуру Просвещения, но также христианство со средневековой теологией вкуче и античную философию, стартовав от ее отцов-основателей другим интеллектуальным путем — с учетом всех или почти всех сделанных в субъектном потоке исторического развития за последние 25 веков интеллектуальных и политических ошибок. Новая философия должна быть хотя и альтернативно-европейской, но европейской, а не заимствованием у буддизма, индуизма или конфуцианства: «вечный покой — для седых пирамид», нам же нужен прометеевско-фаустовский дух горения — на том стоим и не можем иначе.

Мир доживает последние относительно спокойные десятилетия перед «кризисом-матрешкой», аналогов которому не было и который, похоже, сметет не только капитализм с

его сторонниками и противниками, но и всю посленеолитическую цивилизацию. И если человечеству удастся, пусть сократившись в численности до 0,5–1,0 млрд, пережить его, то новый социум скорее всего будет отличаться от Цивилизации (Мира Пирамид — в том смысле, что египетские пирамиды — главный символ всей посленеолитической эпохи) не меньше, чем она отличалась от палеолита. Некоторые контуры постпереломного мира уже видны, но это выходит за рамки данной статьи.

Кризис, в который вполз позднекапиталистический мир (для нас, подобно язычникам, страдающим от язв христианства, этот позднекапиталистический кризис начался крушением советского антикапитализма), носит объективный характер. Реальная задача — пройти его с минимальными потерями и как можно быстрее, не дав ему растянуться на тысячелетия, а сократив до полутора-двух веков.

Вспоминается азимовская «Академия» (Foundation), где, согласно математику Селдону, крушения галактической империи в силу его объективного характера, нельзя было избежать, но можно было сократить кризисные «темные века» с тридцати тысяч лет до одной. Конечно, фантастика — это фантастика, а реальность — это реальность, но в нашей жизни они тесно переплетаются — и чем дальше, тем больше.

Таким образом, демонтаж капитализма открыл невиданный ящик невиданной Пандоры с невиданными последствиями. А ведь мы ничего не сказали ни об усилении в XXI в. (пик — XXII в.) геовулканической активности, ни о неизбежном изменении направления земной оси (происходит раз в 12–15 тыс. лет, последнее произошло 12–13 тыс. лет назад), ни о том, что заканчивается «долгое лето» — теплый десяти-тысячный отрезок в каждом столетии — 90 тыс. лет приходится на ледниковый период...

Разумеется, от всего этого можно отмахнуться как от нагнетания страхов, от «черновидения» (С. Лем). Однако лучше жить по принципу «кто предупрежден, тот вооружен»,

чем стать жертвой «синдрома Сидония Аполлинария», т. е. в упор не видеть уже нависшей над головой угрозы.

Каковы варианты посткризисного развития (разумеется, если удастся выйти из кризиса минимально катастрофичным образом). **Теоретически** вариантов несколько — от высокотехнологичной цивилизации того типа, что описывал Иван Ефремов в «Туманности Андромеды», до футуроархаических империй того типа, что Лукас изобразил в «Звездных войнах»: иными словами, от Дара Ветера до Дарта Вейдера. **Реально** новая система скорее всего будет футуроархаической — мир сверхновых технологий будет соседствовать с миром неoarхаических или даже неоварварских структур.

Как и в XIV–XVI вв. на планете возникнет мозаика различных форм социального, властного и экономического устройства. Это будет мир контрастов: рядом со сверхсовременными анклавами «регион-экономик» (Е. Омаэ) будут существовать демодернизирующиеся, архаичные и даже асоциальные зоны. Капиталистическая эпоха — особенно ее модерновая фаза — будет казаться фантастическим временем, которое быстро мифологизируют. Темпы развития посткапиталистического, постцивилизационного мира будут заметно ниже, чем темпы развития капсистемы, а, возможно, даже и Эпохи Пирамид в целом. Скорее всего Цивилизация была краткой экспонентой между двумя асимптотами — Палеолитом и тем, что идет на смену Цивилизации. Грустно? Да... Но грустно с точки зрения Просвещения, библейского проекта и христианства, с которыми надо попрощаться — *vixerunt*. Будущее — это не линейное продолжение эпохи капитализма и даже Эпохи Пирамид, это нечто другое, более сложное и более простое одновременно.

Развитие новой системы, а, как и большинство социальных систем, она просуществует 600, самое большее — 1000 лет, будет протекать во все менее благоприятных природных условиях, а потому вполне возможно (если не неизбежно) дальнейшее нарастание варваризации и архаизации в разных

частях планеты. В любом случае одной из важнейших задач людей этого неласкового будущего будет сохранение знаний и подготовка к природным катастрофам, прежде всего — к новому ледниковому периоду. Однако за это неласковое будущее XXIII–XXX (?) вв. надо еще будет побороться — и сегодня, и в последующем...

Что можно сегодня противопоставить демонстрациям? Не так много, но и не так мало — волю и разум. Волю противопоставить их социал-дарвинистскому прогрессу этику брахманов и кшатриев, т. е. этике менял с их философией гешефта надо противопоставить этику воинов и жрецов (священников). Разум — это новое рациональное знание о мире. Новая этика и новое знание — вот щит и меч против цивилизации менял. Гарантирует ли это победу? Нет. Победа обретается в борьбе. Но это гарантирует волю к победе и достоинство как состояние ума и души. И надежду на то, что мы пройдем кризис, в который погружаются капитализм и западная цивилизация, что мы останемся на корабле, скользящем по волнам Океана Времени, в который погружается Эпоха Пирамид.